

Я отставной капитан верхнего моря. Иначе говоря, в молодости (а это было не так уж давно) я был воздухоплавателем и странствовал по воздушному океану, что простирается над нами и вокруг нас. Понятно, профессия эта опасная, и, понятно, я пережил немало волнующих приключений; но самым волнующим и уж, конечно, самым тяжким испытанием было то, о котором я хочу рассказать.

Случилось это еще до того, как я стал летать на водородных аэростатах с двойной оболочкой из покрытого лаком шелка на подкладке — такие аэростаты держатся в воздухе не часами, а целыми днями. В ту пору я поднимался на «Маленьком Нассау» (названном так в честь «Великого Нассау», который бороздил воздушный океан за много лет до него). «Маленький Нассау» был солидных размеров, с однослойной оболочкой; наполненный нагретым воздухом, он поднимался вверх на милю и даже больше, и на нем можно было летать чуть не целый час. Меня это вполне устраивало: я тогда совершал с высоты 1В полмили прыжки с парашютом над общественными парками и сельскими ярмарками. У меня был подписан на все лето контракт с трамвайной компанией города Окленда (штат Калифорния). Этой компании принадлежал большой загородный парк, и, естественно, ей выгодно было устраивать всякие развлечения, ради которых горожане трамваем отправлялись на лоно природы подышать воздухом. По условиям контракта, я поднимался на своем аэростате дважды в неделю, и мой номер программы был самым заманчивым: в эти дни в парк стекалось больше всего народу.

Чтобы вы могли понять, что произошло, сперва объясню вкратце, что за штука этот самый наполняемый нагретым воздухом аэростат, с которого совершаются парашютные прыжки. Если вы хоть раз видели такой прыжок, вы помните, что, едва парашют отделился, аэростат переворачивается вверх дном, горячий воздух и дым выходят из него — и пустая плоская оболочка падает на землю. Таким образом, не приходится рыскать по всей округе, догоняя покинутый воздушный шар, и тратить на его розыски много времени и сил. Достигается это так: к вершине воздушного шара прикрепляется на длинном канате груз. Воздухоплаватель с парашютом и трапедией висит внизу, под шаром, и своим весом удерживает его в нужном положении. Но как только он отделяется, груз тотчас заставляет шар перевернуться-и нагретый воздух выходит из его устья. На «Маленьком Нассау» грузом служил небольшой мешок с песком.

В тот день, о котором я хочу рассказать, публики собралось больше обычного, и полиция из сил выбивалась, осаживая толпу. Мужчины, женщины и дети толкались и напирали, стараясь подойти поближе, и канаты, которыми была огорожена площадка с аэростатом, чуть не лопались. Когда я, переодевшись для полета, вышел из своей будки, я заметил у самого каната двух девочек лет четырнадцати и шестнадцати, а по эту сторону каната-мальчонку лет восьми. Девочки удерживали его за руки, а он, хоть и со смехом, отчаянно вырывался. В ту минуту я почти не обратил на них внимания: дети разыгрались, не велика важность. Но после случилось такое, что эта сценка сразу ожила у меня в памяти.

— Никого не подпускай близко, Джордж! — велел я своему помощнику. — А то как бы кого не зацепило.

— Ладно, — отозвался он. — Не беспокойся, Чарли, я уж пригляжу.

Джордж Гаппи десятки раз помогал мне подниматься в воздух, и, зная, что он человек хладнокровный, рассудительный и надежный, я привык спокойно верить ему свою жизнь. Джордж всегда наполнял аэростат горячим «воздухом» и заботился о том, чтобы парашют работал безотказно.

«Маленький Нассау», уже надутый, туго натягивал удерживавшие его веревки. Парашют был аккуратно разложен на земле перед трапедией. Я сбросил пальто, занял свое место и дал знак пускать. Как вы знаете, в первую секунду аэростат взлетает очень резко, рывком, а на этот раз, подхваченный ветром, он сильно накренился и потом выпрямился не так быстро, как всегда. Я глянул вниз; мне давно знаком был вид убегающей из-под ног земли. Как всегда, под мною были тысячи зрителей, тысячи запрокинутых лиц, но все молчали. Их молчание поразило меня: ведь прошло уже несколько секунд, обычно за это время толпа успевала перевести дух и разражалась бурей приветственных криков. А тут никто не хлопал в ладоши, не свистел, не кричал «ура», стояла мертвая тишина. И в тишине, громкий, как колокол, отчетливо и спокойно прозвучал в рупор голос Джорджа:

— Посади его, Чарли! Посади шар наземь! Что случилось? Я помахал рукой в знак, что слышал, и стал раскидывать мозгами. Может, что-нибудь неладно с парашютом? Чего ради сажать аэростат, когда тысячи людей собрались поглядеть, как я прыгну? Что такое стряслось? Я терялся в догадках, и вдруг новая неожиданность. Земля осталась далеко внизу, и, однако, я услышал, как где-то, кажется, совсем рядом, негромко плачет ребенок. И хотя «Маленький Нассау», словно шутиха, стремительно уносился в небо, плач не стихал, не замирал вдали. Невольно я поднял глаза, поглядел в ту сторону и, признаться, чуть не ошалел от страха: на мешке с грузом, который должен был опустить «Маленького Нассау» на землю, сидел верхом мальчуган, тот самый, что раньше вырывался из рук двух девочек, — как я потом узнал, это были его сестры.

Он сидел верхом на мешке, изо всех сил вцепившись обеими руками в канат. Порыв ветра слегка накренил аэростат, непрошеного пассажира отнесло футов на двенадцать в сторону и опять прибило к туго натянутой оболочке, о которую он ударился с такой силой, что и меня порядком тряхнуло, а я находился на добрых тридцать футов ниже. Я думал, он сорвется, но мальчишка хоть и захныкал, а каната не выпустил. После мне рассказали, что в ту самую минуту, когда аэростат освобождали от привязи, малыш вырвался из рук сестер, нырнул под канат и оседлал мешок с песком. У.ма не приложу, как он не свалился от толчка при взлете. «•-• Так вот, увидал я его, и тошно мне стало, и я понял, почему на этот раз аэростат так долго не выпрямлялся и почему Джордж кричал, чтобы я садился. Ведь прыгни я с парашютом, шар тотчас перевернется, горячий воздух выйдет и пустая оболочка сразу упадет на землю. Остается одна надежда, что я сумею посадить его, а мальчуган не выпустит каната. Добраться до него невозможно. Ни один человек не мог бы вскарабкаться по тонкому сложенному парашюту; а если бы это и удалось, если бы и подтянуться к отверстию внизу аэростата, что дальше? Мальчишка на своем ненадежном насесте мотается в пятнадцати футах от устья аэростата, и эти пятнадцать футов пустоты никакими силами не одолеешь.

Мысль моя работала куда быстрее, чем я сейчас все это рассказываю, и я мигом понял, что надо отвлечь мальчика от грозившей ему опасности. Призвав на помощь все свое самообладание и стараясь казаться спокойным, я окликнул весело: — Эй, на мешке, ты кто такой?

Он поглядел на меня сверху вниз, проглотил слезы, оживился, но тут аэростат попал во встречный воздушный поток, завертелся и почти лег набок. Мальчишка на своем канате закачался, как маятник, потом снова ударился о туго натянутую ткань. И опять заплакал.

— Здорово, а? — сказал я весело, точно лучшего удовольствия и придумать нельзя. И, не дожидаясь ответа, продолжал: — А тебя как звать? — Томми Дирмот, — отозвался мальчик. — Рад с тобой познакомиться, Томми Дирмот, — сказал я. — А интересно знать, кто тебе позволил со мной лететь?

Он засмеялся и сказал, что решил полететь просто так, для забавы. И мы продолжили беседовать, причем я до смерти боялся за мальчишку и ломал себе голову, о чем бы еще поговорить. Я знал, что больше ничего сделать не могу

— только бы не давать ему думать об опасности, от этого зависит его жизнь. Я показывал ему, какой великолепный вид простирается в четырех тысячах футов под нами до самого горизонта. Вон раскинулась бухта Сан-Франциско, точно безмятежное озеро, вон и самый город, окутанный дымным маревом, а там Золотые ворота, и за ними, в тумане, океан, и над всем, четко вырезанная в небе, высится гора Тэмелпайс. Прямо под нами виднелся кабриолет; казалось, он ползет, как черепаха, но я по опыту знал, что седоки, несясь за нами вдогонку, изо всех сил нахлестывают лошадей.

Но скоро Томми устал любоваться окрестностями, и я видел: ему становится страшно.

— Может, пойдешь ко мне в компаньоны? — предложил я.

Он сразу оживился и спросил: — А вы хорошо зарабатываете?

Но теперь «Маленький Нассау», постепенно остывая, начал спускаться, встречные воздушные потоки то и дело немилосердно встряхивали его. Беднягу Томми раскачивало из стороны в сторону, и один раз он сильно ударился о стенку аэростата. Губы его задрожали, и он опять заплакал. Я пробовал шутить, смеяться, но все понапрасну. Мужество покидало мальчика, и я с минуты на минуту ждал, что руки его разожмутся и он рухнет вниз.

Меня взяло отчаяние. И вдруг я вспомнил, что иной раз страх страхом вышибают. Я сурово сдвинул брови и крикнул:

— А ну, цепляйся покрепче за канат! Не то, когда спустимся, я тебя так отлуплю-своих не узнаешь! Понятно?

— Д-да-а, сэр, — прохныкал Томми, и я понял, что хитрость удалась. Я был к нему ближе, чем земля, и меня он боялся больше, чем падения.

— Тебе хорошо сидеть там, на мягком мешке, — болтал я, не давая ему опомниться. — Не то что мне на этой жесткой перекладине.

Тут ему пришла в голову такая мысль, что он даже забыл, как у него ноют пальцы.

— А когда вы будете прыгать?-спросил он. — Я хочу посмотреть, как вы прыгаете.

Пришлось мне его разочаровать: прыгать я не собирался.

— А в газете написано, что вы прыгнете! — заспорил Томми.

— Мало ли что, — сказал я. — Меня нынче лень одолела, посажу шар на землю — и ладно. Это мой шар, что хочу, то с ним и делаю. Да и все равно мы уже почти спустились.

И правда, мы были уже низко и быстро спускались. И тут мальчишка стал на меня наседать: мол, нехорошо обманывать людей, все ждут, чтоб я прыгнул, значит, надо прыгать. А я, в душе радуясь такому обороту дела, гнул свое и на все лады доказывал ему, будто имею полное право не прыгать; но вот мы пролетели над эвкалиптовой рощей и спустились к самой земле.

— Цепляйся крепче! — крикнул я и повис на руках на трапеции, чтобы спружинить ногами.

Мы пронеслись над сараем, едва не задели веревку, на которой сушилось белье, распугали кур на каком-то дворе, перемахнули через стог сена — все куда быстрее, чем я сейчас рассказываю. Наконец мы опустились в чей-то фруктовый сад, ноги мои коснулись земли и, несколько раз обернув трапецию вокруг ствола ближайшей яблони, я остановил аэростат.

Однажды мой аэростат загорелся в воздухе; в другой раз я зацепился и повис на карнизе десятиэтажного дома; случилось мне камнем падать шестьсот футов, когда не раскрылся вовремя парашют; но никогда еще я не чувствовал такой слабости, никогда у меня так не кружилась голова и не подкашивались ноги, как в минуту, когда я, шатаясь, подошел к этому мальчишке, целому и невредимому, без единой царапинки, и схватил его за плечо.

— Томми Дирмот, — сказал я, кое-как совладав с собой. — Томми Дирмот, сейчас я тебя разложу и задам тебе такую трепку, какой еще никогда с сотворения мира ни одному мальчишке не задавали!

— Нет, не зададите! — сказал он, вырываясь у меня из рук.-Вы говорили, что не станете меня бить, если я буду крепко цепляться.

— Верно, говорил. Но все равно я тебя отлуплю. На воздушных шарах летает народ самый что ни на есть дрянной и непутевый, и ты себе заруби на носу: от таких надо держаться подальше и от воздушных шаров тоже.

И я действительно выдрал его на совесть. Не знаю, как другим мальчишкам, а ему, уж наверно, сроду так не доставалось.

А у меня после этого случая всякое мужество пропало. Я расторг контракт с Оклендской трамвайной компанией и потом стал летать на водородных аэростатах. Это все-таки спокойнее.